

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В работе исследуется комплекс проблем информатизации социальных систем в контексте современной динамики образования как социального института. Проведено критическое сопоставление различных точек зрения на понятие и цели информатизации общества и образования.

Ключевые слова: *информатизация общества, информатизация образования, постиндустриальное общество, общество знаний.*

Сегодня как никогда рельефно обозначилось противоречие: с одной стороны, процессы информатизации общества являются объективным явлением социальной динамики, и, следовательно, все сферы общественной жизни должны адекватно отражать в своем развитии влияние данных процессов; с другой стороны, общество сегодня оказывается фактически не готовым к реализации процессов информатизации, в результате чего отдельные составляющие процессов информатизации общества несут в себе существенные негативные моменты, способные привести к самым непредсказуемым последствиям, вплоть до полного разрушения отдельных социальных систем. Особенно комплекс проблем информатизации обостряется в сфере образования, являющегося социальным институтом, обеспечивающим воспроизводство культурных ценностей в новых поколениях людей.

Данный контекст предполагает обращение к отражению в философской и социальной мысли проблем взаимоотношения техники, общества и человека, цивилизационного развития в связи с техническим прогрессом, природы информатизации, ее адекватного описания, информационной коммуникации в обществе, а также ряда других вопросов.

Начало процесса информатизации общества принято связывать с шестидесятыми годами XX в., когда возникло новое общественное состояние, качественно отличное от господствовавшего тогда индустриального общества. Отсюда видно, что процесс информатизации общества достаточно «молодой» (особенно в условиях России, где активизироваться он стал, как минимум, двумя десятилетиями позже). В то же время активное обсуждение в литературе самого различного профиля информатизации общества и смежных проблем социальной динамики показывает, что данные процессы весьма противоречивы и неоднозначны, а их социально-философский анализ представляет существенные трудности в силу целого ряда причин. Так, одни исследователи испытывают своего рода эйфорию по поводу информатизации общества, объявляя ее началом и главным содержанием новой эры в истории человечества, утверждением информационного общества. Другие относятся к данным процессам с известной степенью пессимизма, отмечая, что эти перемены усложняют жизнь человека и уводят людей в виртуальный мир, который далек от действительности. Третьи признают как новые возможности и перспективы, которые открывают информационные технологии, так и опасности, которые нужно вовремя осознать и предупредить [16].

Следует отметить, что однозначное понимание термина «информатизация общества» в специальной литературе до сих пор отсутствует.

Так, Н.А. Хроменков полагает, что *информатизация* «представляет собой процесс перехода к информационному обществу, обеспечивающему предельное ускорение производства, распространения и внедрения в промышленность и сельское хозяйство, транспорт и торговлю, управление и сферу услуг, культуру и образование, быт и политику новых данных и знаний. В широком смысле информатизация означает повышение степени информированности общества в целом и каждого его члена в отдельности, формирование общественного сознания на основе научно обоснованной картины мира. Технической основой информатизации, по мнению специалистов, являются компьютеризация и всемерное развитие систем связи» [22, с. 79–80].

Анализ существующих определений *информатизации общества* позволяет сформировать понятие о последней как о сложном социально-историческом процессе перехода к новой стадии цивилизации. Сущность данного процесса заключается в лавинообразном росте объема научной, технической, правовой, экономической, политической, бытовой и духовно-культурной информации, необходимой для решения возникающих в повседневной деятельности проблем, характеризующихся высокой степенью динамизма. При этом лишь современные информационные технологии могут выступать основой переработки и преобразования информации в условиях быстрого роста производства. *Информатизация общества* как явление социальной реальности подразумевает создание и внедрение компьютеров (прежде всего персональных), современных средств связи, телекоммуникаций, создание программной продукции, обеспечивающей компьютеризацию производства, управления, быта и т.д., а также создание интегрированных систем связи и общедоступных баз данных и знаний.

Некоторыми исследователями понятие *информатизация общества* отождествляется с понятием *компьютеризация общества*. Однако, представляется, что такое отождествление неправомерно, поскольку первое понятие шире второго, что, кстати, прослеживается в работах Р.Ф. Абдеева, Л.Д. Рейнмана, И.А. Негодаева и других авторов.

Так, Р.Ф. Абдеев отмечает, что «информатизация... связана с обеспечением заинтересованных субъектов достоверными, исчерпывающими и актуальными знаниями во всех видах человеческой деятельности». По его мнению, понятие *информатизация общества* характеризует не столько технические средства, сколько сущность и цели социально-технического прогресса, тогда как ««компьютеризация общества» является базовой технической составляющей процесса информатизации общества». Под информатизацией понимается «не столько внедрение информационных технологий в различные сферы жизни общества, сколько развитие информации, расширение информационных каналов, углубление их связей, усиление их влияния на человека и общество» [1, с. 161]. Л.Д. Рейнман также подчеркивает, что «информатизация общества нетождественна компьютеризации», обращая внимание на то, что последняя выступает лишь базой для обработки и накопления информации [15, с. 4].

В то же время не следует занижать роль компьютеризации в развитии процессов информатизации общества. Правильнее будет считать компьютеризацию одним из этапов информатизации общества. При этом *первый этап*

ознаменовался массовым внедрением полупроводниковых технологий и связанными с этим технико-технологическими процессами; *второй этап* (собственно *компьютеризация*) выразился в широком распространении компьютерной техники и средств коммуникационных технологий, что создало технические предпосылки для дальнейшего развития информатизации; наконец, современный *третий этап* — *информатизация* — связан не только и не столько с количественным и качественным обновлением технической базы общества, сколько с переменами в содержании и характере всех социальных отношений, включая труд, социальную структуру общества, науку, образование, культуру в ее эстетическом и духовном измерениях; сущность последнего этапа заключается в принципиально новом характере производства и использования информации в интересах как отдельного индивида, так и общества в целом [12].

Тем самым *информатизация общества* в настоящее время представляет собой комплексный социокультурный, социотехнический и социально-исторический процесс, который, опираясь на увеличение технологической базы как на инструментальное средство, предполагает развитие новой информационной культуры и новой информационной цивилизации. В контексте анализа информатизации общества нельзя понимать последнюю как только социальный или только технический (технологический) процесс; необходимо рассматривать данные аспекты информатизации в их неразрывной связи.

Отсюда видно, что генезис и развитие информатизации общества, как процесса социальной реальности, связаны с более широким кругом проблем взаимоотношений техники, человека и общества, традиционно рассматриваемых философией техники. Обращение к философии техники в контексте проблем информатизации высшего профессионального образования обусловлено основной задачей данного направления философии, которая заключается в том, чтобы разумно и проникательно ответить на фундаментальные вопросы о природе и смысле техники, создании и применении искусственных объектов.

Анализ философской мысли показывает глубокую противоречивость и неоднозначность процессов развития и взаимоотношений техники и социальной среды. Данное противоречие, согласно А. Тойнби, является закономерным следствием отсутствия баланса между техническим прогрессом и уровнем развития цивилизации. Противоречие это может иметь двоякий характер: во-первых, когда техника развивается, а рост цивилизации замедляется, начинается стагнация; во-вторых, когда в технике наблюдается застой, а цивилизация продолжает развиваться [19]. К. Ясперс указывал на то, что техницизм разрушает духовные ценности, нивелирует личность, и люди превращаются в маски, лишенные почвы, отзвуков своего бытия; в связи с этим философ охарактеризовал научно-техническую революцию как эпоху негативных преобразований, сулящих в перспективе «власть разрушительных сил и мрак небытия» [25]. Данная мысль созвучна замечанию И. Канта о том, что «человечество, быть может, вновь уничтожит варварским отношением... все достигнутые успехи культуры» [10, с. 17].

В контексте анализа проблем информатизации социальных систем представляет интерес направление философской мысли, развивающее различные вариации теории постиндустриализма, учитывающие не только влияние технического прогресса на развитие современного социума, но и роль в этом процессе

лавинообразного нарастания информационной составляющей. В рамках данного направления современное состояние общества характеризуется как «постиндустриальное», «информационное общество» (Д. Белл, Г. Кан, Ж. Фурастье, А. Турен, Й. Масуда), «технотронное общество» (З. Бжезинский, Ж.-Ж. Серван-Шрайбер), «сверхиндустриальное», «компьютерное общество» (О. Тоффлер), «общество знаний», «общество, основанное на знаниях» и т.д.

Основываясь на диалектике общего, особенного и единичного, можно отметить, что помимо общих аспектов информатизации общества в их соотношении с универсальными философскими проблемами взаимоотношения техники, человека и общества заслуживают внимания особенные моменты информатизации общества, связанные с внутренней неоднородностью данного явления социальной реальности, обусловленной его проекциями на сопутствующие социальные процессы, а также единичные аспекты, преимущественно связанные с переходом к такой его составляющей, как информатизация образования.

Информационное общество можно рассматривать как определенную историческую стадию, вписанную в *постиндустриальное общество* и как бы надстроенное над ним, но нельзя говорить о тождественности этих понятий.

Как уже было сказано, процесс информатизации общества логически вытекает из комплекса проблем взаимоотношения техники, человека и общества, имеющих давнюю историю и отличающихся сложным и противоречивым характером. В то же время примечательно, что, как полагает Н.М. Чуринов, информатизация общества «сформировалась как естественное следствие разветвления представлений об информации, а также представлений о возможности и путях реализации “мыслящей” машины» [23, с. 10]. В свете этого необходимым элементом настоящего исследования является анализ понятия «информация» и ее роли в общественной коммуникации.

Особенно необходимость обращения к понятию «информации» в различных его проявлениях вызвана тем обстоятельством, что именно с информационной революцией многие исследователи (О. Тоффлер, Д. Белл, У. Дайзард, А.И. Ракитов и др.) связывают генезис информатизации общества и возникновение информационного общества [4, с. 5].

Понятие *информация* неразрывно связано с образованием, поскольку происходит от латинского слова *informatio*, означающего «изложение, истолкование, разъяснение» [18]. Философский словарь раскрывает данное понятие как результат отражения одного объекта в другом, используемый в конечном счете для формирования управляющих воздействий [21]. Однако данное определение, раскрывая понятие информации в широком смысле, не отражает ни его сущности, ни особенностей его трактовки в различных областях его применения в современной науке.

В сфере образования информация приобретает ряд некоторых дополнительных характеристик, которые не рассматриваются в классических математических теориях информации (К. Шеннон и пр.), полностью игнорирующих содержание информации. Одной из главных таких характеристик информации, имеющих ключевое значение в системе образования, является ее ценность, неразрывно связанная с содержательной стороной информации. Именно здесь проявляется принципиальное различие количественных и ценностных оценок информации в «живых» системах. В отличие от определения по К. Шеннону количества

информации, передаваемой по каналам связи, ценность информации проявляется в результате рецепции и непосредственно связана с рецепцией. Иллюстрируя это, Ю.А. Шрейдер приводит следующий пример: «Имеется том 2 “Курса высшей математики” В.И. Смирнова. Эта книга содержит богатую информацию. Какова ее ценность? В ответ приходится спросить — для кого? Для дошкольника ценность этой информации нулевая, так как он не обладает достаточной подготовкой, достаточным уровнем рецепции и не в состоянии эту информацию воспринять. Для профессора математики ценность тоже нулевая, так как он все это хорошо знает. Максимальной ценностью эта информация обладает для студентов того курса, которым книга предназначена, поскольку речь идет об очень хорошем учебнике. Зависимость ценности от уровня подготовки, от предшествующего запаса информации — тезауруса... — проходит через максимум» [24, с. 165].

В данной связи в контексте информатизации образования следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что большинство авторов концепций информационного общества и различных его вариаций из лавинообразного нарастания в обществе информационной составляющей делают заключение о повышении роли знания в социуме. Однако подавляющее большинство таких рассуждений страдает недостаточной обоснованностью логического перехода от понятия «информация» к понятию «знания». Одна из главных причин здесь, по-видимому, заключается в том, что, как отмечает А.И. Ракитов, «четкие дефиниции и функциональные различия между взаимосвязанными понятиями «информация» и «знания» отсутствовали еще у авторов 60–70-х годов, начинавших раскручивать концепцию информационного общества, или общества, основанного на знаниях» [14, с. 83]. Данная ситуация прослеживается и в настоящее время в работах как отечественных, так и зарубежных авторов [5, 6].

В то же время, особенно с учетом показанного выше статуса информации как достаточно абстрактного объекта реальности, упускается из вида то обстоятельство, что информация сама по себе знанием не является, а ее обилие, мультипликация и высокая скорость продуцирования и обновления еще не говорят о параллельных тенденциях в сфере знания. В самом деле, обилие точек зрения еще не означает плюрализм, обилие товаров на прилавках еще не означает полного удовлетворения потребностей. Принципиальным моментом здесь является *возможность выбора*, причем возможность не потенциальная (простая констатация множественности вариантов), а реальная (что предполагает не только спектр, но и механизм осуществления выбора в зависимости от потребностей и предпочтений). Онтологическая роль выбора как методологического принципа в наиболее общем виде может быть проиллюстрирована на примере так называемой *аксиомы выбора* (одна из «популярных» формулировок которой состоит в постулировании существования *функции выбора*, которая каждому множеству сопоставляет элемент этого множества, осуществляя тем самым выбор элемента из множества), обеспечивающей аксиоматической теории множеств (а следовательно и всей математике) ее высокую функциональность и универсальный методологический статус в решении теоретических и прикладных задач. Применительно к сфере информатизации общества это означает, что повышение знаниевой компоненты будет иметь место лишь в том случае, если, наряду с

ростом объема информации, будет развиваться также и структура этой информации, ее системность, подкрепленная социальной обусловленностью, обеспечивающие тот самый механизм выбора необходимых порций информации, которые в этом случае могут претендовать на получение статуса знания. Современная ситуация в информационной сфере (особенно наглядно это видно на примере сети Интернет, которую многие, признавая ее ценность как информационного хранилища, ассоциируют со своего рода свалкой [11, с. 8]) наглядно демонстрирует, что «общемировой чердак человеческого мозга» уже не справляется с теми объемами информации, которые циркулируют сегодня в мире.

Следует отметить, что проблема нетождественности лавинообразного нарастания информации и достижений научно-технического прогресса, с одной стороны, и формирования общества знаний, с другой, очень хорошо сейчас осознается в западной философской мысли, представителями которой провозглашается необходимость перехода от научно-технической и хозяйственной (социально-экономической) политики общества и государства, а также отдельных социальных институтов (предприятий) к политике в области знаний. Изменения эти должны проявляться в становлении новой организации исследований, в новом способе применения знаний, и прежде всего — в новой форме интеграции науки в общественные структуры.

Подчеркивая сущностный характер отмеченной проблемы, В.Г. Горохов пишет: «Если в информационном обществе возникала надежда с помощью всех благ компьютерной революции стать более информированным, чем раньше, узнавать быстрее и полнее все, что происходит в мире, в культуре, в науке и технике, то сегодня эта надежда рухнула под напором избыточной и часто фальсифицированной информации» [7, с. 66]. В самом деле, можно вполне согласиться с данной позицией, поскольку при том избытке самой разнообразной как истинной, так и ложной или частично достоверной информации, наводняющей сегодня СМИ, Интернет и другие информационные банки данных, не только для рядового человека, но и для подготовленного специалиста-ученого зачастую отсутствует реальная возможность получения необходимой ему информации, ее «фильтрации», проверки на достоверность, своевременность, полноту. В связи с этим для обозначения сложившейся сегодня в обществе ситуации В.Г. Горохов предлагает даже использовать специальный термин «общество незнания» [7].

Несколько с другой стороны рассматривает данную проблему В.Л. Иноземцев: «...в информационном обществе разделение труда особенно сильно проявляется, так что можно говорить о наличии определенных категорий людей, высшие из которых являются гармонично развитыми личностями, а низшие представляют из себя «запчасти и узлы» для выполнения конкретной технологической операции. И такое деление не надуманно, оно вполне обосновывается отсутствием времени и возможностей у людей «низшей категории» на чтение высокоинтеллектуальной литературы, слушание классической и ретромузыки, посещение театров и других организаций культуры» [9, с. 22]. Продолжая данную мысль, О.П. Знамцева указывает, что порожденное ценностями информационного общества «управление техногенного характера имеет опасную тенденцию, которая, если ничего не менять, проявится в ближайшем будущем в виде гуманитарного кризиса» [8, с. 166].

Видится, что само по себе общество, основанное на знаниях, постиндустриальное, информационное общество, а также лежащие в их основе процессы информатизации общества и развития информационно-коммуникационных технологий, не являются ни средством предотвращения зла, ни гарантией добра. Ключевой момент здесь, на наш взгляд, заключается в том, чтобы сами процессы генерации научных знаний, развития технического прогресса и информатизации общества осуществлялись в определенном направлении, и эти направления должны определить представители интеллектуальной, духовной и культурной элиты современного человечества. Значительную роль при этом играет система образования, включая все ее уровни от школьного до вузовского, которая должна способствовать тому, чтобы бесчисленные практики, в которых задействованы люди, регулировались правилами, нормами, стандартами, эталонами, способными свести негативные явления в обществе к минимальным значениям.

Анализ данной проблемы прослеживается еще в трудах Н.А. Бердяева, который писал: «...ему (технократическому обществу. — *М.Ш.*) нужны люди, которые легко взаимодействуют в больших группах, стремятся потреблять все больше и больше, чьи вкусы стандартизированы, легко поддаются влиянию и чьи реакции легко предвидеть. Ему нужны люди, чувствующие себя свободными и независимыми, не подчиняющиеся авторитетам, принципам или совести, — и все же готовые к тому, чтобы ими командовали, делающие то, что от них ожидают, легко приноравливающиеся к общественному механизму» [3, с. 274]. Опасность путей разрешения отмеченного противоречия избранных авторами современных концепций *Homo informaticus* (человек информационный), *Homo virtualis* (человек виртуальный), *Homo reticulus* (человек сетевой) и им подобных, как видится, заключается в том, чтобы приспособить человека к сиюминутным, спонтанным и во многом деструктивным тенденциям современного общества, а не наоборот.

В то же время, что особенно важно в контексте анализа проблем информатизации образования, многие специалисты отмечают, что человечество вступило в «визуальную» эпоху, в корне меняющую базовые социальные установки миллиардов людей, вынужденных включаться в жизнь информационного общества; характерной особенностью этой эпохи стало неограниченное господство «экрана» в облике средств информатизации, которое распространилось не только на сферу бизнеса, политики, экономики, но и вторгло в область самых сокровенных человеческих отношений, в сферу человеческого духа, претендуя на роль новой философии, новой религии. Как отмечает Т.В. Тычкова, «экранная культура» наибольшей зрелости достигла в эпоху широкого применения компьютеров; в рамках данного типа культуры основным материальным носителем текстов является не письменность, а «экранность» [20, с. 52]. По мнению В. Абраменковой, речь идет о возникновении особого виртуального мира, где «новая виртуальная цивилизация с ее кибернетической и виртуальной психологией начнет «разъедать» и заменять новоевропейский тип культуры» [2, с. 9]. Примерно об этом же говорит А.И. Ракитов: «...распространение научно-технологических знаний и информации при помощи глобальных сетей сопровождается еще более интенсивным проникновением в различные регионы и страны культурных регулятивов, стандартов, эталонов, эстетических, художественных и поведенческих образцов и нормативов... Это зачастую и приводит к тому, что

культурные и цивилизационные механизмы и ценности вступают в известные, иногда довольно значительные, противоречия» [14, с. 92]. Существенным социальным и культурологическим фактором в такой ситуации является дальнейший рост индивидуализации, что сопровождается падением ценности семьи, дружеских отношений. В мире глобальной взаимосвязанности формируется новое одиночество.

Центральным системообразующим элементом в новой цивилизации, по мнению В. Абраменковой, оказывающим влияние даже на построение мирового порядка, является достаточно общее понятие «экран» (компьютера, телевизора, мобильного телефона и т.д. как средство отображения информации и коммуникации индивидов в социуме). Влияние «экрана» на ключевые компоненты социума заключаются в следующем: 1) изменение в системе ценностей. Живое, человеческое, непосредственное уступает место технократическому, опосредованному (через «экран») общению и обучению, когда партнер как собеседник или учитель оказывается не нужен. Изменяются базовые потребности индивида, такие, например, как потребность в общении; 2) «экран» посредством оптических эффектов, клиповости и других приемов трансформирует традиционную картину мира индивида в иную (виртуальную) реальность, погружая его в особые измененные состояния сознания. Можно сказать, что индивид экранируется (отгораживается) от реального мира; 3) «экран» является конструктором нового миропорядка: «новой морали», новых этических норм, далеких от традиционных морально-нравственных установок и духовных ценностей. «Экран» отвращает от традиционных ценностей, индивид оказывается отчужденным от национального культурного наследия, поскольку практически вся эстетика «экрана» построена на инокультурной (преимущественно американской) содержательной графике образов, персонажей, интерьеров и т.д. [2]. Особенно сильно данное влияние проявляется в детском и юношеском возрасте, соответствующем периодам обучения в школе и вузе.

В условиях стремительной социальной динамики, характерной для современной эпохи, происходят коренные изменения в структуре и функционировании образовательных институтов, трансформация их взаимоотношений с другими институтами общества, что показали в своих работах Д. Белл, У. Бек, Дж. Дьюи, Ф. Кумбс, П. Штомпка, Т. Парсонс, В.П. Беспалько, А.М. Новиков, П. Сорокин, О.Л. Серветник, Т.И. Заславская, Н.П. Петрова, В. Кузнецов, Е. Клыгина, Т. Федосова, А. Горбачев, В.А. Ядов, Е. Пасхин, В. Тупало и многие другие авторы.

Коммуникативная революция конца XX в. многократно увеличила скорость обмена информацией, а вместе с тем и скорость принятия решений, динамику экономических, культурных, политических явлений. Отражением этого является тот факт, что в новом обществе смена специальностей, профессий, работы все чаще происходит несколько раз на протяжении жизни конкретного человека. Как полагает академик РАО А.М. Новиков: «Новое общество, в котором знания становятся капиталом и главным ресурсом экономики, предъявляет новые требования как к общеобразовательной, так и к профессиональной школе» [13, с. 2]. Общество, в котором преобладают интеллектуальные работники, предъявляет новые и еще более жесткие требования к социальной деятельности и социальной ответственности людей. «Сегодня необходимо заново осмысливать,

что такое образованный человек. Постиндустриальное общество требует, соответственно, постиндустриального типа школы. Пока можно нарисовать только ее контуры, исходя из общих характеристик этого общества и его производства» [13, с. 2].

Характерной чертой трансформации образовательных институтов в информационном обществе является актуализация проблемы взаимодействия человека и информации как в теории, так и на практике. Серьезную озабоченность философов, педагогов, психологов вызвало то, что необходимость постоянного усвоения новой информации в динамичных условиях социума делает жизнь «схожей с автострадой, где необходимо мгновенно реагировать на динамику ситуации, тем самым превращая ее в калейдоскоп событий. Но превращение жизни в калейдоскоп освобождает ее от основной ценности — от смысла» [17, с. 236]. Особенно тревожен тот факт, что приобретаемое человеком новое знание все чаще носит фрагментарный, структурно не организованный характер, следствием чего является случайность отбора элементов реальной действительности, которые включаются в субъективную модель информационного пространства, отсутствие целостности и системности и, наконец, — мировоззренческая неустойчивость индивида.

Таким образом, влияние процессов информатизации общества на трансформацию социальных систем, включая образование, может быть охарактеризовано как сложное, многоплановое, нелинейное, во многом противоречивое. В новых условиях существования социума изменениям подвергаются не только внешние стороны образовательных институтов, но и их структура, количественные и качественные характеристики. Коренным образом меняется комплекс взаимоотношений системы образования с другими социальными институтами, включая духовную, культурную, экономическую, политическую стороны общественной жизни, изменяются функции системы образования в обществе. Также не остаются инвариантными внутренние характеристики системы образования: существенно меняется роль высших учебных заведений, формы организации учебного процесса, коренным образом меняются структура и функции учебных средств, характер взаимоотношений субъектов образования. Нельзя не отметить возникновение целого ряда нерешенных проблем, не известных ранее педагогической теории, связанных с повышением информационной насыщенности учебного процесса и массовым применением информационно-коммуникационных технологий, являющихся, в определенном смысле, «чужеродным элементом» в традиционном образовательном процессе.

Библиографический список

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. 344 с.
2. Абраменкова В. Ребенок в «заэкране». Кромешный мир компьютерных игр. М.: Лепта Книга, 2008. 112 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // Н. А. Бердяев. Дух и реальность. М.: АСТ, 2003. 679 с.
4. Бурцева А. В. Современная информационная революция: ее сущность и проблемы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1. С. 5–7.
5. Ващекин Н. П., Пасхин Е. Н., Урсул А. Д. Информатизация общества и устойчивое развитие. М., 2000. 523 с.
6. Венда В. Ф., Ломов Б. Ф. Взаимодействие человека и ЭВМ и проблемы познавательного прогресса // Философские вопросы технического знания. М.: Наука, 1984. С. 186–211.

7. *Горохов В.Г.* Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 65–80.
8. *Знаменцев О.П.* Ценностные основания информационного общества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. С. 173–178.
9. *Иноземцев В.Л.* Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. 1999. № 6. С. 22–25.
10. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // И. Кант. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23.
11. Круглый стол журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В.С. Степина «Теоретическое знание» // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 3–32.
12. *Негодаев И.А.* На путях к информационному обществу. Ростов н/Д, 1999. 368 с.
13. *Новиков А.М.* Понятие «образность» в постиндустриальном обществе // Специалист. 2008. № 3. С. 2–4.
14. *Ракитов А.И.* Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 82–94.
15. *Рейнман Л.Д.* Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 3–9.
16. *Самохвалова В.И.* Образ культуры минувшего века. Доминанты и тенденции // Век XX — анфас и профиль: размышления о столетии, ставшем историей. М., 2001. С. 21–45.
17. *Скворцов Л.В.* Информационная культура и проблемы метаобразования // Культурология: Дайджест. М.: ИНИОН РАН, 1999. № 4. С. 236.
18. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. 805 с.
19. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1996. 608 с.
20. *Тычкова Т.В.* Информационная культура как фактор социализации студенческой молодежи // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2007. № 12. С. 51–56.
21. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Полит. лит., 1991. 560 с.
22. *Хроменков Н.А.* Образование. Человеческий фактор. Общественный прогресс. М.: Педагогика, 1989. 192 с.
23. *Чуринов Н.М.* Становление информационного общества // Информатизация и социальные науки: Межвуз. сб. науч. тр. / Под общ. ред. Л.В. Коловской. Красноярск: ИЦП КГТУ, 2002. 236 с.
24. *Шрейдер Ю.А.* Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 163–167.
25. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.